

УДК 811

Ю.А. Дзиццойты

К ОСЕТИНО-ГРУЗИНСКИМ ЭТНИЧЕСКИМ СВЯЗЯМ

Настоящая статья посвящена одному из грузинских элементов в топонимии Южной Осетии – слову ахо ‘кулига’, представленному также в форме ахој. По мнению автора, первая из этих форм была заимствована из современной грузинской формы ахо, а вторая – из древнегрузинской. Древнегрузинские элементы в топонимии Южной Осетии отмечены впервые. Этот факт представляет интерес как с позиции истории осетинского языка, так и этнической истории края. В осетинском языке отмечены и другие случаи двукратного заимствования одного и того же слова. Факт двукратного заимствования слова свидетельствует о продолжительных и интенсивных контактах между осетинским и грузинским языками. Материал, рассматриваемый в статье, представляет также этнографическую ценность. Слово ахо в топонимии чаще встречается в форме единственного числа, а вариант ахој – преимущественно в форме множественного числа. Слово ахо | ахој вытеснило из осетинского языка исконно иранские слова *ærduz* и *ærdyzt*, которые также представлены в топонимии Южной Осетии. Географическое распределение лексем ахо, *ærduz* и *ærdyzt* содержит в себе указания на становление диалектов и говоров осетинского языка в Южной Осетии.

Ключевые слова: Южная Осетия, топонимия, заимствование, этимология.

1.0. Осетино-грузинские контакты древней и средневековой эпохи изучались на основе нарративных, археологических, фольклорных и других источников. Особое место среди них занимают данные осетино-грузинских межъязыковых контактов, давно обратившие на себя внимание исследователей [1. С. 86-87, 502-506; 5. С. 184-210; 4. С. 40-141; 22; 23]. Весьма важны также данные топонимии Южной Осетии, еще не ставшие предметом специального изучения. Между тем, интерес представляют как осетинская, так и грузинская части топонимии края.

1.1. Грузинские географические названия составляют довольно значительную часть топонимии Южной Осетии. Их можно разделить на две неравнозначные категории: а) топонимы, бытующие у грузинской части населения края и б) топонимы, бытующие у осетинской части населения. Первых намного больше, чем вторых, а их изучению посвящены многочисленные работы грузинских и осетинских исследователей, разбор которых не входит в задачу настоящей статьи. Отметим лишь, что если с происхождением первой категории грузинских топонимов все более или менее ясно, то при анализе второй категории топонимов возникают определенные трудности.

1.2. Грузинские топонимы, бытующие у осетинской части населения, неоднородны по степени адаптации к фонетическим и словообразовательным нормам осетинского языка, что свидетельствует о разновременном их заимствовании. И хотя специального исследования по хронологической стратификации осетинских топонимов грузинского происхождения не существует, даже априори ясно, что среди них есть как относительно поздние заимствования (в пределах XVIII–XX вв.), так и заимствования средневековой, а возможно, и более ранней поры, последним из которых в научной литературе уделено незаслуженно мало внимания.

1.3. Настоящая статья посвящена анализу одной из таких тополексем – ахо ‘кулига, чища’, т.е. «участок леса, расчищенный под пашню», представленной как в югоосетинских диалектах и говорах [15. С. 65; 12. С. 231; 11. С. 192], так и в топонимии Южной Осетии. По происхождению оно связано с грузинским ахо ‘кулига, чища, чищоба’ [22. С. 37], о котором см. [14. Т. 1. С. 163; 6. С. 38; 13. Т. 1. С. 923]. В диалектах и говорах, а также в топонимии Северной Осетии, югоосетинскому ахо соответствуют два исконно осетинских слова – *ærduz* ‘выкорчеванный участок среди леса’ и *ærdyzt* ‘лес, расчищенный под пашню; место, где выкорчеван лес’ [27. Т. 1. С. 44]¹. Однако, судя по наличию этих же лексем в диалектах Южной Осетии, а также довольно многочисленным югоосетинским топонимам с индикаторами *ærduz* и *ærdyzt*, в Южной Осетии грузинское ахо пришло на смену указанным исконно осетинским словам. Результатом этой экспансии стало сужение значений слова *ærduz* до ‘опушка леса’, ‘поляна’, а также вытеснение слова *ærdyzt* в сферу архаичной лексики. Причем, как позволяет судить топонимия Южной Осетии, процесс вытеснения исконных слов длился несколько столетий.

¹ В топонимии Южной Осетии находим еще один термин – *æxsæst* ‘очищенный, расчищенный’, ср. *Tuxajy xsæst* ‘(Место), очищенное Туха’ [27. Т. 2. С. 103]. Имеется в виду земля, очищенная от валежника, камней и пр.

2. Лексема *axo* ‘кулига, чища, чищоба’ – один из наиболее распространенных индикаторов в топонимии Южной Осетии. В одном только Дзауском районе, наименее подверженном грузинским влияниям, находим около 290 топонимов, образованных с помощью этого индикатора, что составляет приблизительно 20 % от зафиксированной топонимии района.

В диалектах и говорах Южной Осетии представлены только формы *axo* в единственном и *axotæ* ‘чищи, кулиги’ во множественном числе. Однако в топонимии находим в основном форму множественного числа *axæjttae*. Происхождение последней формы представляет несомненный интерес с точки зрения истории осетинского языка.

3. Форма *axæjttae* представлена более чем в 40 топонимах: *Axæjttae* ‘Кулиги’ [27. Т. 1. С. 102, 127, 231, 239, 263, 315, 366, 367, 449, 458, 514; 27. Т. 2. С. 57, 58, 91, 96, 173, 228, 394, 415, 426, 576], *Xussar axæjttae* ‘Кулиги на южном склоне (горы)’ [27. Т. 1. С. 456], *Fallag axæjttae* ‘Кулиги на противоположной стороне’ [27. Т. 1. С. 237] и т.п. В одном из топонимов находим выпадение *-j-* – *K'ašiaxættæ* ‘Чищи / кулиги, принадлежащие Каши’ [27. Т. 2. С. 431]. Более того, топоним *Axæjttae* встречается и в Северной Осетии, в Зругском ущелье, непосредственно прилегающем к Южной Осетии [26. С. 214].

4.1. Если учесть, что форма множественного числа *axotæ* в топонимии Южной Осетии крайне редка², а форма *axæjttae* чрезвычайно распространена, то может создаться ложное впечатление, что последняя из них, по крайней мере в горной зоне Южной Осетии, и является обычной формой множественного числа к *axo*. Ср., с одной стороны, топонимы *Styr axo* ‘Большая чища’ [27. Т. 2. С. 245, 408, 589], а с другой – *Styr axæjttae* ‘Большие чищи’ [27. Т. 2. С. 245, 408]. Однако узус современного осетинского языка допускает только соответствие *axo* (ед.ч.) – *axotæ* (мн.ч.). Ср. осет. *kærdø* ‘груша’ – *kærdotæ* ‘груши’, *roc'o* ‘подбородок’ – *roc'otæ* ‘подбородки’, *xo* ‘сестра’ – *xotæ* ‘сёстры’ и т.п. В осетинском языке нет ни одного слова, исходящего на *-o*, форма множественного числа от которого была бы построена по другой модели. Но откуда в таком случае идет форма мн.ч. *axæjttae*?

4.2. Слова, исходящие во множественном числе на *-æjttae*, в единственном числе имеют окончание *-oj*, ср. *fælløj* ‘труд’ – *fællæjttae* ‘труды’, *kwyroj* ‘мельница’ – *kwyræjttae* ‘мельницы’ и т.п. Таким образом, интересующая нас форма *axæjttae* в единственном числе должна иметь форму *axoj*. И хотя в современном осетинском языке нет такой формы, она представлена в двух югоосетинских топонимах: *Darğaxoj* ‘Длинная кулига’ [27. Т. 1. С. 475] и *T'et'axoj* (с параллельным вариантом *T'et'oju axo* id.) ‘Чища, (принадлежащая) Тето’ [27. Т. 2. С. 259]. Отсюда видно, что в прошлом наряду с формами *axo* – *axotæ* была в употреблении еще и форма *axoj* (мн.ч. *axæjttae*) ‘кулига, чища’. И поскольку в диалектах и говорах современной Южной Осетии представлена только форма *axo* (мн.ч. *axotæ*), мы можем высказать предположение, что форма *axoj* (мн.ч. *axæjttae*) архаичнее. Как это часто бывает, архаичная форма сохранилась только в топонимии, где употребляется параллельно с новой формой, тогда как в разговорном языке господствует исключительно новая форма. Но как возникла архаичная форма *axoj* (*axæjttae*), если слово, как отмечено выше, заимствовано из грузинского *axo*?

4.3. В осетинском языке изредка встречается парагога *-j*. Так, осет. *taro* || *taroj* ‘полка’, является заимствованием из грузинского *taro* ‘полка’ [3. С. 232-233; 22. С. 140]. Грузинское слово само усвоено из армянского *t'arəḳ* ‘полка, устроенная в стене крестьянского дома’³, откуда идет также курдское *t'arak(a)* ‘полка; подставка’ [25. С. 377]. Из грузинского языка идут также мегрельское *taro* ‘полка’, лазское *ntar* id. и бацбийское *tarō* id. [20. С. 125]. Как видим, конечный *-j* представлен только на осетинской почве. Точно так же осет. *sabaj* ‘взбивание (шерсти)’ заимствовано из тюрк. *saba* ‘бить шерсть’ [3. С. 5]⁴.

С другой стороны, в осетинском языке достаточно много надежных примеров утраты конечного *-j*. Так, глагольное окончание изъявительного наклонения настоящего времени единственного числа третьего лица (ирон.) *-u* || (диг.) *-uj*, судя по этимологии [28. С. 192], имело конечное *-j* и в ирон-

² Ср. практически полный список соответствующих топонимов: *C'ec'elaxotæ* ‘Чищи, (принадлежащие) Цецелу’, где *C'ec'el* – мужское имя собственное [27. Т. 1. С. 252], *Axotæ* ‘Чищи / Кулиги’ [27. Т. 2. С. 58, 557], *K'wyrma axotæ* ‘Глухие чищи’ [27. Т. 2. С. 404], *Læncy axotæ* ‘Чищи в ложбине’ [27. Т. 2. С. 420], *Wanaju axotæ* ‘Чищи Уана’ [27. Т. 2. С. 570]. Как видим, в подавляющем большинстве случаев форма *axotæ* представлена в предгорной и равнинной зонах Южной Осетии.

³ В армянском языке представлена также форма *darak* ‘полка’ [7. С. 62, 483].

⁴ Происхождение конечного *-j* в некоторых словах неясно. Ср., например, осет. *sk'æljø* || *sk'æljøj* ‘полюнь’ [3. С. 122]. Неясно и происхождение топонима *Væt'o(j)* [27. Т. 1. С. 113].

ском диалекте, но впоследствии его утратило. Судя по записям А.М. Шёгрена, данное окончание в иронском диалекте еще в 30-е годы XIX века имело форму *-uj* [29. С. 31, 194]. Об утрате конечного *-j* свидетельствует и этимология некоторых других слов: *sara* ‘сарай’ < русское *сарай* [3. С. 33-34], *sik'o* ‘однорогий (бык)’ < **sik'oj* ‘лишенный рога’ [3. С. 107] и пр.

Таким образом, конечный *-j* в осетинском *axoj* в равной степени можно признать как наращением, так и этимологически оправданным компонентом слова, лишь недавно утраченным на осетинской почве. Какое из этих предположений следует принять?

4.4. Учитывая сказанное выше об архаичности формы *axoj* и вторичности формы *axo*, следует допустить утрату конечного *-j* в *axoj* на осетинской почве. Но если учесть, что осет. *axo* заимствовано из грузинского *axo*, то получается не совсем убедительная картина фонетической эволюции данного слова на осетинской почве: сначала на заимствованное из грузинского *axo* была наращена парагога *-j*, которая затем была утрачена. Поскольку такой сценарий маловероятен, причину появления конечного *-j* следует искать за пределами осетинского языка.

5.1. Утрата конечного *-j* характерна и для грузинского языка. Так, древнегрузинское *t'iloj* ‘полотно’, ‘пелена’ [10. С. 154] в современном грузинском языке представлено в форме *t'ilo* ‘полотно’, ‘тряпка’ [14. Т. 3. С. 226]. Исходя из этого, осетинскую форму *axoj* следует признать заимствованием из древнегрузинской *axoj* ‘кулига’⁵. Дальнейшая история данной лексемы на осетинской почве могла развиваться по двум возможным направлениям.

С одной стороны, конечный *-j* мог быть утрачен на осетинской почве, что и могло привести к появлению двух параллельных форм – *axoj* и *axo* – первая из которых со временем уступила место второй, сохранившись лишь в топонимии. С другой стороны, нельзя исключать возможности повторного заимствования данной лексемы из грузинского языка: то есть сначала она могла быть заимствована в древнегрузинской форме *axoj*, а затем – в новогрузинской *axo*. И хотя первое из этих предположений кажется более предпочтительным, случаи повторного заимствования в осетинский язык одного и того же слова иллюстрируются вполне надежными, хотя и немногочисленными примерами.

5.2. Так, например, мегрельское **našvi* представлено в осетинском языке и в форме *nas* | *nasæ* ‘тыква’ [2. С. 161], и в форме *nesi* ‘дыня’ [2. С. 178]. Такая же история у тюркского *lawāš* ‘круглый тонкий хлеб’, вошедшего в осетинский язык и в форме *lawyz* | *lauz* ‘плоская тонкая лепешка’ [2. С. 15], и в форме *lwasi* | *lawasi* ‘тонкая лепешка’ (через грузинский) [2. С. 49].

Еще один пример двукратного заимствования находим в области ономастики. Название грузинского города Кутаиси в осетинском языке известно в форме *Kutais*. Это заимствование нового времени из грузинского языка. Но в языке осетинского фольклора находим еще одну форму – *Kutaty kalak* ‘город Кутат’ [24. С. 462], которая намного древнее.

Среди древнегрузинских форм данного ойконима, отразившихся в античных источниках, находим *Koutatouσις*⁶. У итальянского автора середины XVII века, Арканджело Ламберти, в его описании Мегрелии представлена форма *Cotatis* [17. С. 10]. В самом грузинском языке форма *Kutati* продолжает жить в фамильных именах *Kutateli*, *Kutatelaze*, представленных в Западной Грузии, и предполагающих прозвище *Kutatela* [18. С. 176-177], т.е. ‘кутатец’, ‘житель (города) Кутати’, ‘выходец из Кутати’.

Таким образом, название города Кутаиси вошло в осетинский язык дважды: первый раз в форме *Kutat*, а второй – в форме *Kutais*. Новая с точки зрения осетинского языка форма *Kutais* вытеснила архаичную *Kutat*, которая уцелела в языке фольклора.

5.3. Этот сценарий не исключен и для пары *axo* || *axoj*: новая форма *axo* вытеснила архаичную *axoj*, которая сохранилась только в топонимии Осетии.

6. Обратимся теперь к вопросу о времени заимствования древнегрузинской формы *axoj* в осетинский язык.

6.1. Новогрузинская форма *axo* в грузинских источниках фиксируется, как минимум, с XVII века. У известного грузинского лексикографа Саба Сулхан Орбелиани (1658–1725) находим только эту форму [19. С. 89]. Следовательно, утрата конечного *-j* произошла на грузинской почве до XVII века, и те из осетинских топонимов, в которых представлена архаичная форма *axoj* : *axæjttæ*, также появились до XVII века. Но в случае, если утрата конечного *-j* произошла на осетинской почве, топонимы, в которых находим форму *axo* : *axotæ*, также могли появиться в это же время, но под влиянием фонетических из-

⁵ Об этой форме см. [8. С. 253-254].

⁶ Подробнее – в другой работе автора.

менений в апеллятиве могли быть «переоформлены». А в случае повторного заимствования данной лексемы в новогрузинской форме, топонимы на *axo* : *axotæ* возникли в пределах XVII–XX веков.

6.2. Если учесть высказывавшееся выше мнение о замещении лексемой *axoj* исконно осетинских слов, то картина в целом выглядит следующим образом.

В Южной Осетии еще в средневековую эпоху исконно осетинские термины для ‘леса, очищенного под пашню’ (*ærduz*, *ærdyzt*) были вытеснены заимствованием из древнегрузинского языка – *axoj*, который в топонимии края стал использоваться в качестве индикатора. Позже на смену древнегрузинскому (и древнеосетинскому) *axoj* пришло новогрузинское *axo*, которое и господствует сегодня как в разговорном языке, так и в топонимии. Форма *axoj* : *axæjttæ* уцелела только в топонимии. При этом форма *axo* весьма распространена в топонимии, а форма мн. числа от нее – *axotæ* – в топонимии представлена единичными фактами. Что касается формы *axoj*, то в топонимии Южной Осетии она встречается редко, а форма мн. числа от нее – *axæjttæ* – часто.

6.3. Вышедшие из употребления *ærduz* и *ærdyzt* также сохранились в топонимии Южной Осетии [27. Т. 1. С. 44]. Из 84 топонимов по Дзаускому району, содержащих данные термины, 44 представлены в Кударском ущелье. Отметим, что в топонимии этого же ущелья представлен один из двух топонимов, содержащих архаичную форму *-axoj*, что, возможно, указывает на большую архаичность квайсинского говора кударского диалекта, представленного в этом ущелье.

6.4. Вместе с тем, нельзя не отметить, что некоторые топонимы на индикаторы *ærduz*, *ærdyzt* производят впечатление недавних образований. Так, топоним *Gwyžojty* ‘*rdyst* ‘Выкорчеванное Гужоевыми’ [24. Т. 1. С. 450] образован от патронима *Gwyžojtæ* ‘Гужоевы’, представляющего собой название одной из ветвей современной осетинской фамилии *Xwygatæ*. Поскольку рассматриваемая ветвь лишь недавно (в пределах XVIII–XIX вв.) отпочковалась от основной фамилии, рассматриваемый топоним никак не может быть древним.

Достаточно поздними представляются нам и топонимы, образованные от мужских имен собственных с помощью рассматриваемых индикаторов: *Badijy* ‘*rdyst* ‘Выкорчеванное Бади’ [27. Т. 1. С. 459], *Dasejy* ‘*rdyst* ‘Выкорчеванное Дасе’ [27. Т. 1. С. 475] и т.п. О носителях этих имен информанты помнят как об одном из своих предков, живших 3–5 поколений тому назад. Следовательно, вытеснение лексем *ærduz* и *ærdyzt* происходило постепенно, но в некоторых уголках Южной Осетии они так до конца и не были вытеснены и, наряду с лексемами *axoj* и *axo*, принимали участие в процессе создания новых топонимов.

7.1. Вывод о наличии в топонимии Южной Осетии лексемы, заимствованной из древнегрузинского языка, позволяет по-новому взглянуть и на другие грузинизмы в данной отрасли осетинской ономастики. Возможно, часть из них также заимствована не из современного грузинского языка, а из древнегрузинского. Так, ойконим *Biqar* считается производным от осетинского диалектного *biqar* ‘плечо’ (в топонимии, очевидно, ‘выступ’), которое, в свою очередь, считается заимствованием из груз. *mxari* ‘плечо’ [21. С. 262-263; 22. С. 43; 27. Т. 2. С. 601]. Между тем, грузинский *-x-* не мог дать в осетинском смычный увулярный *-q-*. И если это слово действительно заимствовано из грузинского, то явно из древнегрузинского *mqar-* ‘плечо’. Форма **mqar-* ‘плечо’ реконструирована и для пракартвельского уровня, откуда идут также мегрельское *xuž-*, чанское *(m)xuž-*, *pxuž-*, сванское *meqär-* || *meqar-* ‘рука (до локтя)’ [16. С. 144].

Таким образом, гипотеза о древнегрузинских элементах в осетинской топонимии Южной Осетии приобретает дополнительное подтверждение.

7.2. Наконец, нельзя оставить без внимания и топоним *Axæjttæ* в Северной Осетии. Нам уже приходилось отмечать, что многие грузинизмы в осетинском языке проникли в Северную Осетию через Южную [8. С. 12-14]. Поэтому вполне возможно, что и топоним *Axæjttæ* – это вклад из грузинского языка, прошедший через диалекты Южной Осетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука, 1973.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.: Наука, 1979.
4. Андроникъашвили М.К. Наркъвевеби иранул-картули енобриви уртиертгобидан. Т. I. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. унив-та, 1966.

5. Ахвледиани Г.С. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Т. I. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1960.
6. Ахвледиани Г.С., Топуриа В.Т. Грузинско-русский словарь / Картул-русули лексикьони. 2-е издание, переработанное и дополненное. Тбилиси: Ганатлеба, 1990.
7. Блбулян А. Армянско-русский и Русско-армянский словарь. Ереван: Айрапет, 2008.
8. Джорбенадзе Б.А. Диалектѣбисатвис дамахасиатебели понетъикъури цвилилебеби картул тѣопъониаши [Характерные для диалектов фонетические изменения в грузинской топонимии (на груз. яз.)] // Топонимика. Т. I. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. универ-та, 1976. С. 226-261.
9. Дзиццойты Ю.А. Осетинское *тоqо* 'сосна' в топонимии Южной Осетии // Rhema / Рема. М.: МГПУ, 2017. № 1. С. 9-21.
10. Древнегрузинско-русский словарь (По двум древним редакциям Четвероглава). Составил С.Б. Серебряков. Тбилиси: Изд-во АН ГССР. 1962.
11. Ирон æвзаджы æмбарынганæн дзырдуг / Толковый словарь осетинского языка. Т. I. М.: Наука, 2007.
12. Ирон æвзаджы инверсион дзырдуг [Инверсионный словарь осетинского языка (на осет. яз.)]. Цхинвал: Ирыстон, 1978.
13. Картули енис ганмартѣбити лексикьони [Толковый словарь грузинского языка]. Под ред. А. Чикобава. Тбилиси: Мецниереба, 1950. Т. I.
14. Картул-русули лексикьони [Грузинско-русский словарь]. Сост. К.В. Датикашвили. Тбилиси: Сабчѣота Сакартвело, 1953. Т. I.
15. Картул-осури лексикьони [Грузинско-осетинский словарь]. Сост. П. Санакоев. Сталинир: Хиррауагъдад, 1955.
16. Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1964.
17. Ламберти Арканджело. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. С картою 1654 года / Пер. с итал. К.Ф. Ган // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 43, отд. 1. Тифлис, 1913. С. 1-232.
18. Маисурадзе И. Картули гварсахелеби [Грузинские фамильные имена (на груз. яз.)]. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
19. Орбелиани С.С. Тхзулебани отх тѣомад [Сочинения в четырех томах (на груз. яз.)]. Т. IV, часть 1. Тбилиси: Сабчѣота Сакартвело, 1965.
20. Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики. М.: Восточная литература, 2003.
21. Тедева О.Г. Осетинское б и х ъ а р 'плечо' // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 262-263.
22. Тедеви О. Наркѣвевеби картул-осури енобриви уртиертобидан [Очерки по грузино-осетинским языковым взаимоотношениям (на груз. яз.)]. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
23. Тедеви О. Наркѣвевеби осур-картули енобриви уртиертобидан [Очерки по осетино-грузинским языковым взаимоотношениям (на груз. яз.)]. Тбилиси: Мецниереба, 1988.
24. Хуссар Ирыстоны фольклор [Юго-осетинский фольклор (на осет. яз.)]. Сост. А.А. Тибилов. Сталинир: Изд. ЮОНИИ, 1936.
25. Цаболов Р.Л. Этимологический словарь курдского языка. Т. II. М.: Вост. лит., 2010.
26. Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Орджоникидзе: Ир, 1975.
27. Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А. Топонимия Южной Осетии в 3-х т. Тт. I, II. М.: Наука, 2013, 2015.
28. Чѣнг Дж. Очерки исторического развития осетинского вокализма / Пер. с англ. Владикавказ; Цхинвал: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2008.
29. Шѣгрѣн А.М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. Ч. I [Грамматика]. СПб.: Императорская Академия наук, 1844.

Поступила в редакцию 18.10.2018

Дзиццойты Юрий Альбертович, кандидат филологических наук, доцент
Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова
100001, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, Московская ул., 8
E-mail: dzicc@mail.ru

Yu.A. Dzitstsoyti

ON THE GEORGIAN-OSSETIAN ETHNIC CONTACTS

This article is dedicated to one of the Georgian elements in the South Ossetian toponymy – to the word 'axo', also known as 'axoj' – forest, cleared for ploughland. According to the author's opinion, the former form was borrowed from modern Georgian form axo, the letter – from ancient Georgian. Old Georgian elements in the toponymy of South

Ossetia are marked for the first time. This fact is of interest both from the stand point of the history of the Ossetian language and the ethnic history of the region. Other cases of double borrowing of the same word are noticed in the Ossetian language. The fact of double borrowing of a word testifies to long and intensive contacts between the Ossetian and Georgian languages. The material considered in this article has also an ethnographic value. In the toponymy the word axo is common in single form, and axoj – mostly in plural form. The word axo | axoj pushed out the original Iranian words ærduz and ærdyzt, which are also presented in the South Ossetian toponymy, from the Ossetian language. Geographical distribution of lexemes axo, ærduz and ærdyzt contains some information about formation of the dialects of the Ossetian language in South Ossetia.

Keywords: South Ossetia, toponymy, borrowing, etymology.

REFERENCES

1. Abaev V.I. Osetinskij yazyk i fol'klor [Ossetian Language and Folklore]. T. I. Moscow; Leningrad, 1949.
2. Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetic Language]. T. II. L.: Nauka, 1973.
3. Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetic Language]. T. III. L.: Nauka, 1979.
4. Andronik'ashvili M.K. Nark'vevebi iranul-kartuli enobrivi urtiertobidan [Studies in Iranian-Georgian Linguistic Contacts]. T. I. Tbilisi, 1966.
5. Akhvlediani G.S. Sbornik izbrannykh rabot po osetinskomu yazyku [Selected Writings in Ossetian Language]. T. I. Tbilisi, 1960.
6. Akhvlediani G.S. i Topuria V.T. Gruzinsko-russkij slovar' / Kartul-rusuli leksik"oni [Georgian-Russian Dictionary]. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Tbilisi: Ganatleba, 1990.
7. Blbulyan A. Armyansko-russkij i Russko-armyanskij slovar' [Armenian-Russian and Russian-Armenian Dictionary]. Erevan: Ajrapet, 2008.
8. Dzhorbenadze B.A. Dialekt"ebisatvis damakhasiatebeli ponet"ik"uri tsvlilebebi kartul t"op"onimiashi [Typical to Georgian Dialects Phonetic Changes in Toponymy] // Toponimika. T. I. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo universiteta. S. 226-261.
9. Dzitsojty Yu.A. Osetinskoe *moqo* 'sosna' v toponimii Yuzhnoj Osetii [The Ossetian *moqo* 'pine' in the toponymy of South Ossetia] // Rhema / Rema. M.: MGPU, 2017, № 1. S. 9-21.
10. Drevnegruzinsko-russkij slovar' [Old Georgian-Russian Dictionary] (Po dvm drevnim redaktsiyam Chetveroglava). Sostavil S.B. Serebryakov. Tbilisi: Izd-vo AN GSSR, 1962.
11. Iron ævzadzhy æmbaryngænæn dzyrduat / Tolkovjy slovar' osetinskogo yazyka [Explanatory Dictionary of Ossetian Language]. T. I. M.: Nauka, 2007.
12. Iron ævzadzhy inversion dzyrduat [Inversion Dictionary of Ossetian Language]. Ckhinval: Iryston, 1978.
13. Kartuli enis ganmart"ebiti leksik"oni [Explanatory Dictionary of Georgian Language]. Pod red. A. Chikobava. Tbilisi, 1950. T. I.
14. Kartul-rusuli leksik"oni [Georgian-Russian Dictionary]. Sost. K.V. Datikashvili. Tbilisi: Sabch"ota Sakartvelo, 1953. T. I.
15. Kartul-osuri leksik"oni [Georgia-Ossetian Dictionary]. Stalinir, 1955.
16. Klimov G.A. Etimologicheskij slovar' kartvel'skikh yazykov [Etymological Dictionary of Kartvelian Languages]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1964.
17. Lamberti Arkandzhelo. Opisanie Kolkhidy, nazyvaemoj teper' Mingrelij. S kartoy 1654 goda [Description of Kolkhida, a present Mingrelia, with a Map of 1654 year] / Per. s ital. K.F. Gan // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. Vyp. 43, otd. 1. Tiflis, 1913. S. 1-232.
18. Maisuradze I. Kartuli gvarsakhelebi [Georgian Surnames]. Tbilisi: Metsniereba, 1981.
19. Orbeliani S.S. Tkhzulebani oth t"omad [Writings]. T. IV, chast' 1. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1965.
20. Slovar' kavkazskih yazykov: Sopostavlenie osnovnoj leksiki [A Dictionary of Caucasian Languages: Comparison of basic vocabulary]. M.: Vostochnaya literatura, 2003.
21. Tedeeva O.G. Osetinskoe b i k h " a r 'plecho' [Ossetian *biqar* 'shoulder'] // Voprosy iranskoj i obshej filologii. Tbilisi: Mecniereba, 1977. S. 262-263.
22. Tedeevi O. Nark"vevebi kartul-osuri enobrivi urtiertobidan [Studies in Ossetian-Georgian linguistic contacts]. Tbilisi: Mecniereba, 1983.
23. Tedeevi O. Nark"vevebi osur-kartuli enobrivi urtiertobidan [Studies in Georgian-Ossetian linguistic contacts]. Tbilisi: Mecniereba, 1988.
24. Khussar Irystony folklor [A Folklore of South Ossetia]. Sost. A.A. Tibilov. Stalinir: Izd. YuONII, 1936.
25. Tsabolov R.L. Etimologicheskij slovar' kurdsogo yazyka [Etymological Dictionary of Kurdish]. T. II. M.: Vost. lit., 2010.
26. Tsagaeva A.D. Toponimiya Severnoj Osetii [Toponymy of North Ossetia]. Ch. II. Ordzhonikidze: Ir, 1975.

27. Tskhovrebova Z.D., Dzitstsojty Yu.A. Toponimiya Yuzhnoj Osetii v 3-h t. [Toponymy of South Ossetia] Т. I, II. М.: Nauka, 2013, 2015.
28. Chyong Dzh. Ocherki istoricheskogo razvitiya osetinskogo vokalizma [Cheung J. Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism] / Per. s angl. Vladikavkaz; Ckhinval: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V. Gassieva, 2008.
29. Sjögren A.M. Osetinskaya grammatika s kratkim slovarem osetinsko-rossijskim i rossijsko-osetinskim [Ossetic grammar with Ossetian-Russian and Russian-Ossetian short dictionary]. Ch. I [Grammatika]. S. 1-560. SPb.: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1844.

Received 18.10.2018

Dzitstsoyti Yu.A., Candidate of Philology, Associate Professor
South Ossetian State University named after A.A. Tibilov
Moskovskaya st., 8, Tskhinval, South Ossetia, 100001
E-mail: dzicc@mail.ru